

А. БЛОК И В. ИВАНОВ

СТАТЬЯ I: ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

З.Г. Минц

... И наши души спели
В те дни, один и тот же стих,
(Блок. "Вячеславу Иванову")¹

Отношения Блока и Вяч. Иванова — личные, мировоззренческие, творческие — большой и самостоятельный сюжет внутри темы "Блок и русский символизм". Блок и Иванов были чужды друг другу в 1902-03 гг., когда Блок пережил влияние Мережковских,² начало "мистической дружбы" с Белым, восторженное преклонение перед Брюсовым. Но если контакты Блока с Мережковскими, Белым и — несколько позже — с Брюсовым затем идут на спад, то его творческие и личные связи с Вяч. Ивановым в 1904—06 гг. постоянно укрепляются. Это не удивительно: трудно найти другого "младшего символиста", взгляды которого были так близки Блоку. Удивительнее другое: что при объективной близости мироощущения, при восторженной оценке Блока Ивановым и высокой — особенно в годы революции 1905 г. — оценке Иванова Блоком, наконец, при частых встречах их отношения, даже в апогее, не стали дружбой, а затем — без видимых причин — распались. Впрочем, как увидим, для этого было достаточно причин внутренних.

Тема "Блок и Иванов" в последние годы привлекала внима-

¹ Блок Александр. Собр. соч. в 8 тт. Том 3. М.—Л., 1960, с. 141. Ниже ссылки на это издание — в тексте (первая цифра в скобках — том, затем — страницы).

² См. в моей статье: Ал. Блок в полемике с Мережковскими. — Блоковский сборник, IV, Тарту, 1981.

³ См.: Орлов Вл. История одной "дружбы-вражды". — В кн.: его же. Пути и перепутья. М.—Л., 1963.

⁴ См. в моей работе: переписка Блока с В.Я. Брюсовым (вступ. статья). — Лит. наследство, т. 92. Книга I, М., 1980. Там же — библиография к теме.

нив исследователей. Кроме специально посвященных ей работ Е. Белькинд⁵ и — отчасти — моей,⁶ следует назвать статьи и части монографии Д.Е. Максимова⁷, разделы в книгах П. Громова⁸ и И. Машбиц-Верова⁹, а также замечания к теме С. Аверинцева¹⁰ и О. Дешарт¹¹. Но многие важные аспекты темы еще даже не названы.

Говоря о символизме, трудно назвать двух других поэтов, чье творчество и столь близко, и столь далеко. Близко — во всем, что составляет в лирике не собственно лирику или внешние стороны художественной структуры (мировоззрение, его истоки, круг тем, основных "мифов" и символов и т.д.). Далек — во всем, что создает непосредственно эмоциональную атмосферу поэзии и коренится в глубинных структурах текста. "Тяжеловесное убранство диковинных словес и тенета умозрительных абстракций"¹², наделенность образов "античной и ренессансной классики <...> такой подлинностью и убедительностью, какой явно недостает <...> слишком отвлеченному образу России"¹³ — эти черты лирики Вяч. Иванова, казалось бы, не могли привлечь Блока с его тягой к непосредственности, простоте самовыражения и рано развившимся чувством родины. И все же в определенные годы художественное становление Блока во многом

⁵ Б е л ь к и н д Е.Л. Блок и Вячеслав Иванов. — Блоковский сборник, II, Тарту, 1972.

⁶ Минц З.Г. О "Беседах с поэтом В. И. Ивановым" М. С. Альмана. — Уч. зап. Тартуского гос. университета, вып. 209. Тарту, 1968.

⁷ М а к с и м о в Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975, с. 415-417, 423-425 и др.

⁸ Г р о м о в П. А. Блок. Его предшественники и современники. М.—Л., 1966, с. 182, 210-218 и др.

⁹ М а ш б и ц - В е р о в И. Русский символизм и путь Александра Блока. Куйбышев, 1969, с. 84, 86, а также глава "Творчество Вячеслава Иванова" (с. 141-153).

¹⁰ А в е р и н ц е в С.С. Вячеслав Иванов. — В кн.: Вячеслав Иванов. Стихотворения и поэмы. Л., 1976, с. 36-37, 51-53 и др.

¹¹ Д е ш а р т О. Введение. — В кн.: Вячеслав Иванов. Собр. соч. Т. I. Брюссель, 1971, с. 106, 107, 111, 126, 161-164.

¹² А в е р и н ц е в С.С. Ук. соч., с. 6.

¹³ Там же, с. 22.

шло "под знаком Иванова", а их мировоззренческая близость была определяющей.

Вяч. Иванов, как и Блок, хотя раньше его, испытал мощное воздействие идей и лирики Вл. Соловьева. "... Оба Соловьевым // Таинственно мы крещены", — писал Иванов позже, определяя линии своей близости с Блоком. Влияние это у обоих связано с платоническими основами мирозерцания (хотя интерес Блока к Платону в нач. 1900-х гг. был более кратковременным, чем у Иванова, и скорее "лирическим", чем философским). "Исходная" (позже так или иначе преодолеваемая) модель мира у обоих близка платоновско-соловьевскому восприятию реального мира, который "Только отблеск, только тени // От незримого очами". Ср.: "Чуть слежу, склонив колени <...> Ускользящие тени // Суетливых дел мирских, // Средь видений, сновидений // *Голосов миров иных* (1, 106) и: "... Жизнь - витанье // Тени бледной // ... В глубине ночных лагун // *Отблеск бледный*".¹⁶ Платонические истоки мироощущения Блока и Иванова, хотя и отодвигались порой на второй план, затем снова начинали играть ведущую роль, обуславливая веру в объективно-идеальную природу мира и отрицание декадентского субъективизма. Ни Блок, ни Иванов не испытали, в отличие от Белого, глубоких воздействий неокантианского скептицизма и "методологизма", а субъективизм Ницше был воспринят Ивановым так своеобразно, что субъективизма в нем осталось меньше всего¹⁷. Обоим (Блоку — в эпоху "первого тома", Вяч. Иванову как поэту, — по сути, всегда) была чужда и типичная для Белого, Сологуба и мн. символистов "романтическая ирония".¹⁸ Блоку, как и Иванову (здесь, впрочем, сходство общее — "младосимволистское"), особенно близок утопический поворот

¹⁴ И в а н о в Вяч. Нежная тайна. ЛСПТА. СПб., "Оры", 1912, с. 13.

¹⁵ С о л о в ь е в Владимир. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974, с. 93.

¹⁶ И в а н о в Вяч. Прозрачность. М., "Скорпион", 1904, с. 11. Ниже (в тексте) — П. с. Стихотворение Блока (1901), опубликованное в 1909 г., не было известно Иванову эпохи "Прозрачности", как и Блоку - стихотворение Иванова.

¹⁷ Ср.: М и р з а - А в а к я н М.Л. Ф. Ницше и русский модернизм. — Вестник ЕРГУ. Общественные науки. 3 (18). Ереван, 1972; А в е р и н ц е в С.С. Ук. соч., с.16-17.

¹⁸ В эпиграммах раннего Иванова объект иронии — не материальный мир как таковой, а буржуазные законы и реальность европейской жизни. Комическое в них близко к сатире Вл. Соловьева 1890-х гг.

"соловьевства", определивший эстетические предпочтения: отвержение "чистого искусства" и (для Блока лишь на время: для Иванова — навсегда) веру в спасающую мир Красоту и "иератическую" миссию поэта. Много общего и в генезисе поэзии Блока и Иванова: в художественном претворении романтических традиций, начиная с Жуковского, европейских (особенно немецких) романтиков и пушкинского и лермонтовского наследия, в роли Тютчева, многогранном осмыслении творчества Достоевского и т.д. Объективное сходство отражено и в ранней лирике: "Кормчие звезды" (1903; большинство стихотворений написано в 1890-х гг.) и "Прозрачность" (1904), как и "Стихи о Прекрасной Даме" (1905), исполнены веры в "звезду" — объективный идеал прекрасного, противостоящий "тьме жизни". Ср.:

Все горы, за грядой гряда,
 Все черный, старый лес.
 Светлеет ночь. Горит звезда
 В дали святой небес.
 О, дольний мрак! О дольний
 лес! <...>

И долго — крест нести¹⁹
 и блоковское:

Нет конца лесным тропинкам.
 Только встретить до звезды
 Чуть заметные следы...
 ... Вот она — зажглась звезда!
 Нет конца лесным тропинкам
 (I, 124).

Идеал воплощен в природе (символистский пантеизм близок обим) и в Любви. В интимно-лирическом плане сборники особенно роднятся тем, что (в отличие, например, от "Золота в лазури" Белого)²⁰ возникают как отображение непосредственного, живого чувства, реальных отношений, хотя и мистифицируемых.

Типологическая близость творчества породила интерес поэтов друг к другу. Правда, первые журнальные публикации стихотворений Блока не произвели на Иванова сильного впечатле-

¹⁹ Иванов Вячеслав. Кормчие звезды. Книга лирики. СПб., 1903, с. 13. Ниже (в скобках) — КЗ, с.

²⁰ О характере переживания Белым первого "заревого" чувства к М.К. Морозовой см.: Лавров А.В. Мифотворчество "аргонавтов". — В кн.: Миф. Фольклор. Литература. Л., 1978, с. 152-153.

ния,²¹ а Блоку первые прочтенные стиха Иванова совсем не понравились (8.III.1904 он писал: "Вяч. Иванов <...> бездарен" — 8, 96). Но вскоре их отношения меняются.

В апреле 1904 г. Блок пишет на только что вышедшую вторую книгу стихов Вяч. Иванова "Прозрачность" рецензию, где оценка лирики Иванова довольно сдержанная, но скорее положительная. Хотя Блок видит в поэзии Иванова то, что ему чуждо ("В книге заметна прежде всего работа, потом творчество"; "некоторые стихотворения отличаются чересчур филологической изысканностью" — 5, 539), но отмечает и "кровь мыслей" (5, 538), "глубокое проникновение в стиль античной Греции" (5, 539), "необычайную краткость" и "воздушную образность" (5, 540).

В рецензии на "Стихи о Прекрасной Даме" (конец 1904) Вяч. Иванов, вслед за Белым, подчеркивает преемственность Блока от Соловьева, выделяет символику любви и природы,²² высоко оценивает сборник — и "объективно" ("Высшее требование, предъявленное поэзии Верлэном <...> исполнено: везде мелодия"²³), и лично (в стихах веет "родною тоской"²⁴). Любопытно сочувственное выделение стихов о "повседневности" и подчеркивание их этического пафоса, не частое на страницах "Весов": "И трагика жизни так истинна в восприятии поэта сострадавшего, и в восприятии поэта ужаснувшегося так ужасна дикая оргия чудовищных личин жизни". Хотя рецензии Иванова не свойствен возищеный тон статей Белого, она ближе к

²¹ Ср. в письме Вяч. Иванова к В.Я. Брюсову от 26 (13) ноября 1904 г.: "Блока неожиданно полюбил <...> даже стыдно мне стало, что прежде чем я увидел его вещи во всей их совокупности, я сомневался и в его самобытности, и в его непосредственности: мне, они казались деланными и навеянными" ("Лит. наследство". Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976, с. 466).

²² И в а н о в Вяч. Александр Блок. "Стихи о Прекрасной Даме" <рец.> — "Весы", 1904, № 11, с. 50.

²³ Там же, с. 49-50.

²⁴ Там же, с. 49.

²⁵ Там же, с. 50.

²⁶ См.: Б е л ы й Андрей. О теургии. — "Новый путь", 1903, сентябрь; его же. Апокалипсис в русской поэзии. — "Весы", 1905, № 4.

Белому, чем к скрыто недоброжелательному отзыву З. Гиппиус²⁷ и не высказанным печатно негативным оценкам Брюсова.²⁸

Совершенно в ином тоне, чем первая рецензия, написана статья Блока "Творчество Вячеслава Иванова" (нач. 1905). Блок высоко оценивает Иванова как лирика ("самоценного", хотя и представляющего "трудности для понимания" — 5, 7) и "теоретика символизма" (там же). В первой части, излагая (временами — почти дословно) содержание статьи Иванова "Поэт и чернь" (а отчасти и знаменитой "Эллинской религии страдающего бога"²⁹), Блок выделяет его концепцию мифа, идеалы народного искусства и "соборности". "Триада", в формах которой и Вяч. Иванов, и Блок мыслят историю искусства, такова. Перводанная, присущая архаическим культурам всенародная значимость мифа (5, 8), отображавшая "соборность" племенного сознания, — сменяется в эпоху, когда ""род" не властен и наступило раздолье "вида" и "индивида"" (5, 8), "расколом между "гением" и "толпой"" (5, 9). "Поэты, покинувшие родную народную стихию" (5, 9), утратив целостность сознания, погружившись в мир личности, "забыли" и миф. Но художественный образ-символ несет память об исконно народном бытии и духе: "Поэт, идущий по пути символа, есть бессознательный орган народного воспоминания" (5, 10). Мир будущего, воссоединяющий индивидуума и народ, "гения" и "толпу", вновь придет к возрождению через символ всенародного мифа: ""Поэт становится народным, "чернь" — народом при свете всеобщего мифа" (5, 10). Мысли Вяч. Иванова оказались близки Блоку: он увидел в них оправдание символизма, даже символистской "уединенности", индивидуализма, — но оправдание не декадентское, а идеей "нового искусства" как пути к всенародной культуре будущего. Эстетическая утопия Иванова, вытекавшая из соловьевства, но выдержанная на языке предреволюционных надежд, захватила Блока. Важной стала для него и идея искусства как платоновского "анамнесиса".

Вторая часть статьи Блока подчеркивает связь поэзии Иванова с мечтой о всеобщем счастье — "Золотом веке" и с тем "углублением к родникам поэзии" (5, 11), смысл которого

²⁷ Х < Г и п и у с З. > Стихи о Прекрасной Даме. (рец.). — "Новый путь", 1904, декабрь.

²⁸ См. в моей статье: "Ал. Блок и В. Брюсов".

²⁹ См.: И в а н о в Вяч. Поэт и чернь. — "Бесы", 1904, № 3, его же. Эллинская религия страдающего бога. — "Новый путь", 1904, январь.

разъяснен Ивановым-критиком. Анализируя первые сборники Иванова, Блок подчеркивает и даже преувеличивает мифопоэтичность их структуры,³⁰ как бы торопя превращение символов в миф — целостную (с единым "сюжетом") картину становления мира. И "Кормчие звезды", и "Прозрачность" как стихотворные сборники традиционны. Символизм и ориентация на миф не складываются в них в единый "мифологический" нарратив — повествование о "пути мира" (как в "Стихах о Прекрасной Даме"). Блок же "вычитывает" из сборника единый миф о "пути" современного поэта "на свидание с <...> Музой своей" (5, 12): пути, уводящего его "от берега" современности в даль, "к темным ключам народной символики" (5, 12), а затем — к "мировым Сумеркам" (5, 13), где в ужасе всеобщей разведиенности блещут "первые искры грядущего" (5, 15). "Кормчие звезды" ведут корабль поэта к Родине, к великой Прозрачности, за которой "открывается мир-целое" (5, 16). Такой поэтический сюжет, конечно, близок Вяч. Иванову, но в композиции его сборников он художественно не воплощен. Блок как бы показывает пути его воплощения.

В революционном 1905 году состоялось знакомство Блока с Ивановым.³¹ В лирике Блока все чаще звучат "ивановские" темы, хотя первоначально они почти неотделимы от общесимволистских воздействий. Таково, например, восприятие революции как мощной и веселой стихии разрушения. Ою идет и от "Замкнутых" Брюсова, и от "Кочевников" Вяч. Иванова (П, с. 91), и от "Грядущих гуннов" Брюсова, где и эпиграф ("Топчи их рай, Аттила!"), и реминисценции из "Кочевников"³² подчеркивают общую линию символистского "анархического" бунтарства. Присуще оно и стихотворению Иванова "Скиф пляшет" с его пафосом "скифства" (столь важным для будущих символистов-"Скифов"), антиевропейским настроем и знаменитой строкой: "Хаос — волен! Хаос — прав!" (КЗ, с. 219; ср.: П, с. 115) — и ряду других символистских произведений нач. XX в. У Блока это ощущение революции отразилось и в лирике ("Шли на приступ. Прямо в грудь...", январь 1905; отчасти — "Митинг", 10.X. 1905 и др.), и в драме "Король на площади", где анархисты в I действии предсказывают гибель города, цивилизации, изобра-

³⁰ То же находим и в др. рецензиях Блока — на "Собрание стихотворений" Д. Семенова (5, 589-593) и др.

³¹ См.: Б е л ы й Андрей. Начало века. М.—Л., 1933, с. 315-316.

³² Б р ю с о в Валерий. Собр. соч. в 7 тт. Т. I. М., 1973, с. 433.

ленную в финале пьесы, и в восторженном гимне Бакунину (статья "Михаил Александрович Бакунин", 1906). Правда, эти настроения были актуальны для Блока именно как непосредственная реакция на революцию и поэзию символистского "стихийничества". Поэтому они важны для Блока 1905-06 гг. и исчерпываются ко времени оформления неопределенных, но пышно декларативных догм "мистического анархизма" (1907). Блоку близок Иванов "Кочевников" и "дионисийских" статей 1905-06 гг., а не соавтор Г. Чулкова.³³

Воздействия Вяч. Иванова сливаются с брюсовскими и в изображении жизни как не знающей преград страсти (причем символика страсти, силы, героика гибели и образы революции на каком-то уровне осмысления объединялись). Но здесь "ивановское" постепенно выходит на первый план. Брюсовско-бальмонтское отождествление свободной страсти и безграничной свободы "я" с его открытым индивидуализмом было для Блока менее привлекательным, чем идеи "дионисийства". Как известно, Вяч. Иванов в своих весьма свободных интерпретациях Ницше рассматривает "дионисийские" начала жизни (дисгармония, страсть, страдание, разъятие, гибель) как одну из сторон бытия, без которой невозможны и гармония, радость, цельность, возрождение. "Бунт", революция — неизбежные свойства и этапы развития живой жизни. "Вакхическое" безумство у Вяч. Иванова ассоциируется с жертвенной гибелью (в отличие от Ницше, Дионис для Иванова — не противоположность, а ипостась Христа). Но это же "дионисийское" начало — бунт, "неприятие мира". Так возникает в сознании Блока Христос — не воплощение чистой духовности ("верхней бездны" Мережковского), не непризнанный мессия "Золота в лазури" Белого и не образ чистой, детской веры и покорности (как было у друга Блока Евг. Иванова), а Христос — Дионис ("Христос — Демон", скажет Блок в 1907 г.) — "сжигающий Христос" народных восстаний. Такой Христос, тесно связанный с творчеством и концепциями Вяч. Иванова, навсегда войдет в поэтический мир Блока. Начиная с этого времени, исчезает предубеждение Блока против этики жертвы. Жертвенность и покорность теперь противопоставились. Христианские покорность, непротивление Блок не примет никог-

³³ См.: Чулков Георгий. О мистическом анархизме. Со вступительной статьей Вячеслава Иванова "О неприятии мира". СПб., "Факелы", 1906.

³⁴ См. примеч. 17.

да. Но этика жертвы, "сораспятия" соединится с мыслями о пути интеллигенции к народу, заняв важное место в мирозерцании Блока.

В 1906 г. в лирике Блока появляется ряд мотивов, прямо восходящих к творчеству Иванова и связанных с "дионисийским" мироощущением. Это образы бытия как вечного кружения: Дионис у Вяч. Иванова "объят в круженье зыбком" (КЗ, с. 344), ср. у Блока: "Жизнь и смерть в круженье вечном" (2, 105) — образ, постоянно повторяющийся в блоковской лирике и публицистике тех лет (ср. статью "Безвременье", 1906). Это идущие от культа Диониса, но активизированные Ницше, а затем Вяч. Ивановым образы вина, хмеля, опьянения как связанные со страстью (для символистов — и с мятежом, гибелью); ср. "Виноградник Диониса", "Хмель" Иванова и стих. Блока "Шлейф, забрызганный звездами...", "Незнакомка" и др. Таков и символ страстей и мятежей — *огонь*, (то губительный — "Сказка о петухе и старушке", то манящий — "Пожар"). Этот образ, усиливаясь восприятием реальных событий 1905-06 гг. (поджоги помещичьих усадеб и др.) и позднейшими литературными влияниями (ср. рецензию Блока на "Пламя" П. Карпова), доживет до поэмы "Двенадцать". С кругом "дионисийской" символики у Вяч. Иванова связан образ *факела*: "Пылайте, Факелы, // Знамена вольных",³⁵ — отразившийся в названии сборников "мистических анархистов" "Факелы". Он весьма значим и для Блока — в интимной лирике ("Шлейф, забрызганный звездами...") и в драме "Балаганчик" ("хор с факелами" — 4, 19; как известно, написание пьесы связано было с неосуществленным замыслом театра "Факелы"). В "Балаганчике" "факелы" ассоциируются с античностью — как у Иванова.

Среди "дионисийских" мотивов особенно важны связанные с разрывом, распятием, сгоранием на костре. Образы эти, как часто у символистов, полигенетичны: восходят одновременно к разным источникам, их "синтезируя". У Вяч. Иванова в них сочетаются признаки Диониса (растерзание: "Вновь разрыв, и иступленье, и растерзан Вах! Эвой!" — П, с. 138), Христа ("царь", идущий на распятие и гибель) и символы, восходящие к широко распространенной мифологии сгорающего царя (солн-

³⁵ И в а н о в . Вячеслав. Cor ardens. Speculum speculorum. Эрос — золотые завесы. М., "Скорпион". 1911, с. 25 Впервые — в альманахе "Факелы". СПб., 1906. Ниже (в тексте) — СА. с.

ца),³⁶ но, возможно, связанные и с интересом к старообрядчеству (добровольное сгорание: "Царь, сжигающий богатый // Самоцветный свой венец"³⁷). Сказанное проясняет стихотворение Блока "Угар" (октябрь 1906), где разрозненные "дионисийские" мотивы объединяются в сюжет о царе-ребенке (ср. у Иванова: "Сердце о т р о к а Загрея" — СА, с. 19), идущем на костер и сгорающем:

Положи венок багряный
Из удушливых углей
В завитки его кудрей:
Пусть он грезит в час румяный,
Что на нем — *венец царей* (2, 112).

Здесь все — от мифа о сгорающем царе до отдельных образов ("уголь", "кудри" и др.) — в русле "дионисийской" поэтической мифологии Вяч. Иванова, отраженной в его "солнечном цикле" 1905 года и др. произведениях эпохи революции. Опосредствованные отражения этого мифологизма — и в известном стихотворении 1906 г. "Сын и мать". Ср. его со стихотворением Иванова "Ночь" (цикл "Suspigia" из сб. КЗ), где встреча Ночи и Света — момент гибели (процитировано Блоком в статье об Иванове — 5, 13). Ср. также "Перед вечернею порою..." (1906) Блока и стих. Вяч. Иванова "Психея" (КЗ) и др.

Вяч. Иванов вводит в мир Блока образы, связанные с мифопоэтизмом Ницше. Поэтому "блоковский Ницше" чаще всего — не автор "Так говорил Заратустра", а Ницше "Рождения трагедии из духа музыки". Конспект перевода этой книги Блок делает в разгар встреч с Ивановым (см.: ЗК, 78-84).³⁸ Многие ее идеи, превращенные в "символы-категории" (Д. Максимов), навсегда станут важными для Блока ("дух музыки", "трагедия" и др.).³⁸

Эти разнообразные воздействия наиболее интересны, конечно, в их общем значении для творчества Блока эпохи револю-

³⁶ Объединение тем растерзания, распятия, сгорания и "солнечных" мифов определено символистской установкой находить тайные "соответствия" между разными явлениями жизни, образами искусства и т.д. Возможно, имело место "синтезирование" основных мифологических тем популярных в России работ Ф. Ницше: "дионисийства" из "Рождения трагедии из духа музыки" и "солнцепоклонства" из "Так говорил Заратустра".

³⁷ И в а н о в Вячеслав. СА, с. 12. Впервые — "Весы", 1906.

³⁸ См.: П а п е р н ы й В. Блок и Ницше. — Уч. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 491. Тарту, 1980.

ции. "Дионисизм" 1905-06 гг. отозвался в его наиболее революционных произведениях, придя на смену более спокойному, с оттенком либерализма, изображению революции в стихах 1904 г. ("Поднимались из тьмы погребов..."). "Дионисизм" стал содержанием основного "символа-категории" блоковского миропонимания этих лет — "стихия": он пронизывает "метельные" образы пейзажной и интимной лирики Блока 1905-06 гг., оформляет поэтическую концепцию любви-страсти, помогает созданию нового женского образа — "дикой", страстной дочери народа ("Прискакала дикой степью..." 1905, 2, 86; цикл "Фаина", отчасти — драма "Песня Судьбы"). Отразилось — и во многом роковым образом — "дионисийское" представление о путях "жизнетворчества" и в самой жизни Блока — в его стремлении "разрушить" дом, семью. 24.II.1911 г. Блок записал в автобиографической канве поэмы "Возмездие": герой поэмы "попал в общество людей, у которых не сходили с языка слова "революция", "мятеж", "анархия", "безумие" <...> Каждый "безумствовал", каждый хотел разрушить семью, домашний очаг — свой вместе с чужим. Герой мой с головой ушел в эту сумасшедшую игру, в то неопределенно-бурное мирозерцание, которое смеялось над всем, полагая, что все понимает" (3, 460; курс. мой — *З.М.*). Если бытовая сторона описанных событий ведет к театру Комиссаржевской — обстановке, где зарождалось чувство Блока к Н. Волоховой, то "неопределенно-бурное мирозерцание", толкавшее "разрушить" все, — это, конечно, "мистический анархизм" Вяч. Иванова.

Сквозь призму "метельных" настроений было Блоком осмыслено и его увлечение Н. Волоховой в конце 1906 — нач. 1907 г. Цикл "Снежная маска" (29.XII.1906 — 13.I.1907) сам Блок (еще до его написания!) ощущал как "дионисийский"; 21.XII.1906 г. он полушутя пишет: "... Может быть, скоро придет этот новый свежий мой цикл. И Александр Блок — к Дионису" (ЗК, 86). "Снежная маска" — действительно, произведение, полностью находящееся в мире "дионисийских" образов (в их трактовке Вяч. Ивановым). Не случайно первая запись Блока о цикле — замечания по его поводу Вяч. Иванова (см. ЗК, 92). "Снежная маска" отразила и воздействие миропонимания Иванова в целом (жертвенное отношение "я" к миру), и интонации, метрику, символы "солнечного цикла". Но глубокая оригинальность видения мира, непосредственность восприятий так преобразили эти влияния, подчинив их поэтической манере Блока, что опознать их порой нелегко.

"Снежная маска" разительно отличается от "Нечаянной Радости": порой кажется, что Блок здесь дальше от "реальности", чем во втором своем сборнике. Сравнительно четкие контуры явлений, стремление к показу объективного мира сменяются в "Снежной маске" стремительностью "круженья", в которой границы явлений размываются и, в конечном счете, исчезает определенность "я" от мира. Картинам сложного, алогичного, "оксюморонного" мира соответствует сложная "вязь" метафор, делающая цикл "загадочным".³⁹ Но художественный метод "Снежной маски" лишь внешне напоминает импрессионизм "старших" символистов. Мир "Снежной маски" бесконечно сложен, его части сплетены так тесно, что порой их грани неразличимы, но мир этот целен (как и тот, который Блок разглядел в "Кормчих звездах"). Поэтому символизм блоковских образов, расшатанный в "Нечаянной Радости", вновь выступает на первый план, а единство цикла еще заметнее, чем в "Стихах о Прекрасной Даме" (не случайно Блок в первом издании назвал "Снежную маску" поэмой). Блок теперь поэтически осознанно идет "тропой символа к мифу".

Миф здесь, конечно, иной, чем в "Стихах о Прекрасной Даме". Его "субстанция" уже не представляется гармоничной, "недвижной", вечной. Навеянное юношеским увлечением Блока Платоном и элеатами представление о неизменной природе бытия (воспринятое и через Вл. Соловьева) сменяется "гераклитовской" картиной "текучего" мира. В мире "снегов" вечны лишь перемены, "круженье". Мир этот — исступленно "дионисийский", страстный, противоречивый, губительный. Его воплощение (по-прежнему женственное) — не "небесный", а "дионисийский" и демонический образ — "ночной", освещаемый лишь адским пламенем "огня" и "злых очей" (2, 229). В женском образе "Снежной маски" осязаемы контуры знаменитой "Менады" Вяч. Иванова — не случайно стих. "Ее песни" воспроизводит ритмы "Менады":

Рукавом моих метелей

Задушу.

Серебром моих веселий

Оглушу... (2, 220, ср.:

³⁹ См. об этом цикле в моих работах: 1) *Struttura compositiva del ciclo di A. Blok "Sneznaja maska"*. — В сб.: *Ricerche semiotiche. Nuove tendenze delle scienze umane nell'URSS*. Torino, 1975; 2) "Лирика Ал. Блока", Спецкурс... Вып. 2, Тарту, 1969.

Дико вскрикнула менада,
Словно лань... (СА, с. 7-8)⁴⁰

Лирический сюжет "Снежной маски" реализует миф о страсти, страдании и гибели лирического "я" как о растворении личного в мировой субстанции. Герой сгорает "на снежном костре" ледяной страсти, и пепел его развеивается по бескрайним равнинам; сгорание — одновременно и распятие:

И взвился костер высокий
Над распятым на кресте (2, 252-253);
ср. образную и метрическую структуру "Завета солнца" Иванова:

Помазуемый в цари!
Уподобься мне в распятье,
Распрости свое объятье
И гори, гори, гори! (СА, с. 15).

Общему сходству замыслов соответствуют обильные реминисценции из Иванова: "круженье", образы змей, неожиданная для Блока 1907 г. активизация "античных" образов (медуза, амур и др.) или типичного для Иванова словообразования ("тяжелозмейных"), и близкие более ранним стихам Иванова мотивы ночного моря:

Над мысом почивает мрак (2, 224; ср.:
За мысом занялася мгла — КЗ, с. 143)⁴¹
или: "*Ладьи ночные* пролетели" (там же; ср.: "Куда влечет // *Ладью за ладьей* // *Из мрака* волн...?" — КЗ, с. 146-147) и т.д., и т.п. Во многом объединяет блоковский цикл с лирикой В. Иванова и "пушкинское" (идущее от "Бесов") ощущение хореической "мелодии" как стихийной музыки вихрей и страстей:

Слушай: пасмурные кони

Топчут звездные пределы (2, 246; ср. у Иванова:

Знаю — то морские кони

Потрясают берега — (КЗ, с. 151)⁴²

Много в цикле и прямых цитат, например, важный для "Снежной

⁴⁰ Размер "Менады" "звучал" в памяти Блока в 1907 г.: ср. шуточное стихотворение, написанное вместе с Н.Н. Волоховой "Мы пойдем на "Зобеиду"..." (2, 365).

⁴¹ Строки этого стихотворения Блок привел в статье об Иванове (5, 14).

⁴² Ср. также "цитатную" рифму: "твердь / смерть" (Блок, 2, 216; В. Иванов; КЗ, с. 460).

маски" образ "солнца сердца" (2, 218; ср. у Иванова: "*Солнце — сердце*, солнц — сердец" — СА, с. 12) — "сог ardens" во всем многообразии символики.⁴³ По той же модели ("солнце — сердце") создает Блок и звуковую метафору "на костре" — "на кресте".

"Ивановское" начало в цикле выступает и как обращение к Данте. О структуре "сферического" пространства "Снежной маски" в ее связи с "Inferno" мне уже приходилось писать.⁴⁴ Но дантовский образ Царя "Inferno", "закованного в лед", у Блока, как у Иванова, соединяется с демоническим образом "спящей возлюбленной" (мифом о "Спящей красавице"); у Блока: "зов закованной в снега" (2, 214), у Вяч. Иванова: "Спит царица на престоле в покрывале ледяном" (КЗ, с. 164).⁴⁵

Но "Снежная маска" — не подражание, а один из самых оригинальных блоковских циклов. Поэтика его органичнее спаяна с идеей мира-стихии, страсти, чем у Вяч. Иванова с его холодноватой "филологичностью" и "классическими" интонациями стиха. Существенно и восприятие Блоком своего "дионисийства" как "северного". Блок за несколько дней до "Снежной маски" сделал набросок драмы "Дионис Гиперборейский". В этом незавершенном отрывке "гиперборейское" ("северное") не играет еще главной роли — зато оно станет основным в "Снежной маске". "Южному" (антично-средиземноморскому) миру "дионисийской" лирики Иванова Блок противопоставил "северный", отобразивший реальные детали окружавшей поэта действительности (пейзажи зимы 1906-07 гг.).⁴⁶ Северный колорит стал символическим, связался с образом "родины суровой" (2, 263), а сюжет оказался "мифом" о растворении "я" в просторах "равнины снеговой" (2, 253). В свете "дионисийского" мифопоэтизма такая смерть — неизбежная ступень к грядущему возрождению: страстные менады "Бога с богом разлучили, растерзали вечный лик", но "Вновь из волн поработенных красным солнцем встанет он" (П, с. 138; курс. мой — *З.М.*). "Разметенный" пепел жертвенного героя — семена его грядущего воскресения во пло-

⁴³ Как обычно для Иванова, в образе обнаруживаются "синтезирующие" смыслы: христианская символика пылающего сердца Христова объединена с реминисценциями солярных мифов.

⁴⁴ См. примеч. 39.

⁴⁵ Процитировано Блоком в статье о Вяч. Иванове (5, 15).

⁴⁶ См. воспоминания о периоде "Снежной маски" В.П. Веригиной и Н.Н. Волоховой. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 104. Тарту, 1961.

ти Родины⁴⁷. Так один из путей, идущих от Вяч. Иванова, привел Блока к России.

В дальнейшем, однако, тема Родины у Блока связалась с более историческими решениями. "Снежная маска" — "пик" близости Блока к Вяч. Иванову. С весны 1907 г. начинается преодоление Блоком "мистического анархизма", предопределившее будущие расхождения поэтов.

⁴⁷ Поэтому так близки образы "солнечного цикла" и "Годины гнева" Вяч. Иванова финалу "Снежной маски". У Иванова жертвенное сгорание: "Юноша-бог — на горящем столпе!" (СА, с. 33) — это одновременно "Феникса-жертвы из пепла возлет" (там же, с. 38).